10: 26, 28 – 29). Даже построив Храм, Соломон не запретил жертвоприношения на высотах, а в самом Храме, вопреки Втор. 4: 15 – 18, были размещены изображения херувимов (= крылатых быков⁵¹), ср. 1 Цар. 6: 23 - 29.

Таким образом, наш фрагмент — это не что иное, как один из немногих реликтов протодеутерономистской традиции X в. до н.э., традиции, которая могла развиваться в оппозиции к династии Давида и как результат критического переосмысления всего политического и духовного опыта Объединенного царства⁵². Такая традиция могла развиваться в силомском святилище, которое после поражения при Авен-Эзере (1 Сам. 4), вероятно, сохранилось, хотя и утратило свое влияние⁵³. Именно Ахия Силомлянин поднял Иеровоама на восстание против внука Давида — Ровоама (1 Цар. 11: 29 и сл.), а «книга закона», в которой обычно видят Второзаконие или его ядро⁵⁴, оказалась в руках царя Иосии (2 Цар. 22: 8 и сл.) не раньше, чем под его контроль перешла после падения Ассирии большая часть Самарии, включая и Силом.

В. Орел, С. Фролов

EXEGETICA 1-2

V. Orel, S. Frolov

The present paper deals with the historical and textological analysis of two Biblical episodes (1 Sam. 28 and 2 Sam. 21) where new interpretations may be suggested. The authors show that in both Biblical texts archaic religious rites of pre-Judaic nature are described.

VULGUS И TURBA: ТОЛПА В КЛАССИЧЕСКОМ РИМЕ*

Проблема «толпы», влияния спонтанных массовых скоплений людей на развитие исторического процесса, привлекла внимание исследователей еще в начале XX в. Что Касается истории античности, то здесь проблема «толп» обычно связывалась с проблемой социальной борьбы народных масс (можно сослаться хотя бы на классическую концепцию «кризиса III века» М.И. Ростовцева). Однако, поскольку для историков античности основным источником служат сочинения античных авторов, «спор о терминах», т.е. изучение социальной лексики, представляется по крайней мере небесполезным.

На первый взгляд, проблема римской толпы не прошла мимо внимания исследователей. Однако она обычно рассматривалась на материале авторов сравнительно позднего времени, либо исключительно в контексте социально-политической борьбы

⁵¹ Albright W.F. What Were the Cherubim? The Biblical Archaeologist 1, 1938 (New Haven). P. 1–3; Cross T.M. Canaanite Myth and Hebrew Epic. Cambr., 1973. P. 35–36.

⁵² Ср. 1 Сам. 8: 10–18 с его мрачной и отталкивающей картиной, напоминающей по своим реалиям царство Соломона, ср. 1 Цар. 1: 2–3; 4: 7; 10: 26; 12: 3–4.

⁵³ О сложной археологической картине Силома см. *Schley D.G.* A Biblical City in Tradition and History // JSOT. Supplement Series. 1989. 63.

⁵⁴ Driver. Deuteronomy. P. XLIV - XLV; Cogan, Tadmor. Op. cit. P. 294.

^{*} Написание этой статьи стало возможным благодаря работе в римских библиотеках, за что автор выражает глубокую признательность Римскому университету «La Sapienza», а также профессору Луиджи Капогросси-Колоньези за весьма полезные консультации. Публикация статьи осуществлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «Становление гражданского общества в древности» (код проекта 96-01-00508).

в Риме во II–I вв. до н.э. Единственный автор, который, насколько мне известно, рассматривал употребления слова vulgus в сочинениях авторов республиканского периода, — это польский филолог-классик Бронислав Билиньский, впервые исследовавший эволюцию употребления vulgus во II — начале I в. до н.э.; он уделил особое внимание сохранившимся фрагментам трагедий Акция². Билиньский рассматривал vulgus как социально-политический термин, подчеркнув его важность для изучения истории римских плебеев³. Однако он совершенно необоснованно связал проблему родовой принадлежности слова с социально-политической историей, использовав при этом рискованные исторические аналогии⁴.

Особо следует отметить работы зарубежных историков, посвященные римской толпе раннеимператорского времени: благодатный материал сочинений Тацита и Светония дает много оснований для исторических обобщений. В известном труде израильского историка Цви Явеца «Плебс и принцепс» специальному анализу подвергнуты термины, обозначающие plebs urbana⁵, в статье австралийского ученого Р. Ньюбоулда рассматривается употребление слова vulgus Тацитом⁶, статья чешской исследовательницы Б. Моуховой посвящена рассмотрению употребления попили plebs и vulgus в биографиях Светония7. Впрочем, Ц. Явеца и Б. Моухову интересовал прежде всего плебс рег se и в гораздо меньшей степени проблема толпы. В работе А.Б. Ковельмана затрагивается отношение к толпе, в ней проведено сопоставление талмудических текстов и сочинений некоторых римских авторов⁸. В целом в историографии утвердилось мнение об отрицательном отношении римских авторов к vulgus, однако выводы делаются на основании словоупотребления отдельных авторов, а не всей совокупности текстов⁹. Нам же представляется необходимым обратиться к истокам феномена толпы, исследовать употребление vulgus и близкого ему по значению turba, начиная с первых известных нам случаев, и проследить эволюцию этого понятия вплоть до раннеимператорского времени, охватив, таким образом, весь классический период римской литературы - от II в. до н.э. до начала II в. н.э., от Плавта и Теренция до Тацита и Светония. При этом мы отдаем себе отчет в том, что ни vulgus, ни turba нельзя рассматривать как термины в собственном смысле этого слова; римские авторы императорского времени часто использовали vulgus и turba как

¹ Это касается как интересной статьи П. Бранта (Brunt P.A. The Roman Mob // Past and Present. 1966. № 35. Р. 3–27), так и последней работы Вольфганга Виля (Will W. Der römische Mob. Soziale Konflikte in der späten Republik. Darmstadt, 1991), подзаголовок которой в гораздо большой степени соответствует ее тематике. Что касается знаменитой работы Эллегуарка о «политическом словаре» республиканского периода (Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin des relations et des parties politiques sous la republique. Р., 1963), то в ней рассматриваемым нами понятиям посвящено лишь несколько абзацев (ibid. Р. 126, 497, 514), поскольку оба этих слова малозначимы для политической терминологии.

² Biliński Br. Accio ed i Gracchi. Contributo alla storia della plebe e della tragedia romana // Accademia Polacca di scienze e lettere. Biblioteca di Roma. Conferenze. Fasc. 3. Roma, 1958; idem. Intorno alla semasiologia del termine «vulgus» // Synteleia Vincenzo Arangio-Ruiz. V. II. Napoli, 1964. P. 722–730.

³ Biliński. Intorno... P. 722 sg.

⁴ Ibid. P. 723 sgg. По мнению польского исследователя, переход слова «vulgus» из мужского в средний род отражал процесс дегенерации римского плебса во II-I вв. до н.э., вырождения его в люмпен-пролетариат, «пассивный элемент в политической борьбе группировок». При этом априорно предполагается, что средний род отражал уничижительное значение, подобно der Mensch и das Mensch в современном немецком языке (ibid. P. 729). Подобное предположение нам кажется весьма сомнительным хотя бы потому, что родовую принадлежность слова vulgus можно установить лишь в небольшом числе его употреблений.

⁵ Yavetz Z. Plebs and Princeps. Oxf., 1969. P. 6 ff., 141 ff. См. также idem. Plebs sordida // Athenaeum (Pavia). 1965. 93. P. 295-311.

⁶ Newbold R.F. The vulgus in Tacitus // RhM. 1976. Bd 119. 1. S. 85–92.

⁷ Mouchová B. Die Ausdrücke populus, plebs und vulgus bei Sueton // Acta Universitatis Caroninae. Philologica 2. 1991 (Graecolatina Pragensia, XIII), P. 87–101.

⁸ Ковельман А.Б. Толпа и мудрецы Талмуда. М., 1996.

⁹ См., например, *Крюков А.С.* Vulgus у Горация // Филологические записки (Воронеж). 1995. Вып. 5. С. 154–160. Автор этой интересной статьи безосновательно обнаруживает «пейоративный социальный оттенок, изначально содержащийся в vulgus» (с. 156).

синонимы для усиления риторического эффекта¹⁰. Однако изучение всего корпуса текстов позволяет, на наш взгляд, выявить важные тенденции социальных изменений в римском обществе.

Наречная форма vulgo (volgo)¹¹ наряду с глаголом vulgare и отглагольной формой vulgatus встречается уже у Плавта¹². В комедии «Хвастливый воин» раб Палестрион, обращаясь к солдату Пиргополинику, говорит: «На меня накричи, что настолько тебя я доступным для всех выставляю (quia sic te volgo volgem)» (Mil. 1035. Пер. А.В. Артюшкова). Эпидик в одноименной комедии, оправдывая придуманный им неологизм, говорит: «Мне не нравятся старые и общеизвестные слова (nil moror vetera et volgata verba)» (Epid. 351).

Зато turba (как и глагол turbo и производные от него) часто встречается в плавтовских комедиях; это слово обычно означает скопление рабов и домочадцев, суматоху, смятение, беспорядок, беспокойство (Aulul. 340, 342, 405; Curcul. 651; Amph. 476; Bacch. 375; Mil. 479, 583), неприятности (Menaechm. 846), свару, ссору (Stich. 83), бурю на море (Pseudol. 110), даже помутнение глаз (turba oculis) (Cist 699A). В комедии «Ослы» Диабол советует Параситу устроить своему противнику свару, суматоху (tu ergo fac ut illi turbas lites concias) (Asin. 824); также и в комедии «Перс» Токсил советует Сатуриону поднять шум, суматоху (tum turbam facito) (Pers. 729). Плавтовский герой Филоксен, говоря о беспутной жизни своего сына, характеризует ее как «quas meus filius turbas turbet» (Вассh. 1076) – употребление существительного вместе с глаголом усиливает эффект (такой же прием, как и в «Хвастливом воине» с наречием vulgo – см. выше).

И только в двух комедиях Плавта turba обозначает толпу, скопление людей в общественных местах. В комедии «Амфитрион» turba обозначает войско, причем драматург противопоставляет его вождям, imperatores (Amph. 224). В комедии «Пуниец» turba дважды обозначает толпу, собравшуюся у алтаря Венеры (Poen. 265, 336); в обоих случаях речь идет о толпе продажных женщин,

...подонков, непотребных баб, подружек мельников,

Для услуг рабам готовых...

(Poen. 266 sq. Пер. А.В. Артюшкова).

Как существительное vulgus впервые встречается у Теренция¹³. В комедии «Девушка с Андроса» раб Симон говорит о «толпе рабов» (volgus servorum) (Andr. 583), в «Свекрови» упоминается, а в «Самоистязателе» подразумевается «толпа женщин» (volgus mulierum) (Нес. 600; сf. Heaut. 386). Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что никакого «социального подтекста» (тем более осуждающего) здесь нет и речь идет об общем мнении, типичном поведении той или иной группы населения. В этом смысле употребление существительного vulgus очень тесно соотносится с употреблением наречия vulgo (Andr. 426; Heaut. 421, 447, 957)¹⁴.

Достаточно часто (22 раза) встречается у Теренция и существительное turba¹⁵, обычно обозначающее беспокойство, суматоху, беспорядок (Andr. 235; Hec. 43; Eun. 800 etc.). В «Братьях» turba обозначает скопление людей, однако при этом подразумевается суматоха, беспорядок (Adelph. 907, 912). И только однажды, в «Самоистязателе», под turba имеется в виду толпа гостей, заполонивших дом. Раб Сир восклицает: «О боги, что за толпа» (Di boni, quid turbaest!) (Heaut. 254).

Для первых римских комедиографов vulgus – слово малознакомое и малоупотреби-

¹⁰ Например, «turba tantum et imprudens vulgus» (Sen. De brev. vit. 1.1). Примеры можно продолжить. См. Yavetz. Plebs and Princeps. P. 7 f.

 $^{^{11}}$ Основа volg- характерна для более ранних словоупотреблений, соответственно основа vulg- – для более поздних.

¹² Lodge G. Lexicon Plautinum. V. II. Lpz, 1933. P. 942.

¹³ McGlynn P. Lexicon Terentianum. V. II. London-Glasgow, 1967. P. 292.

¹⁴ Можно сравнить: «...quod volgus servorum solet» (Andr. 583) и «volgo quod dici solet» (Andr. 426), а также «volgus quod male audit mulierum» (Hec. 600) и «quod volgo audio dici» (Heaut. 421).

¹⁵ McGlynn. Op. cit. P. 256.

тельное, это – то, откуда исходит «общественное мнение», и никакого пейоративного оттенка данное слово не содержит. Гораздо более привычно для них turba, которое обозначает и суматоху, беспорядок, и скопление людей (причем иногда с пейоративным оттенком).

Между Теренцием и авторами I в. до н.э. не сохранилось крупных произведений художественной римской литературы. Нашими сведениями об употреблении vulgus авторами этого времени мы обязаны прежде всего позднему комментатору Нонию Марцеллу, который в своем сочинении «De compendiosa doctrina» 16 специально рассмотрел вопрос о колебании родовой принадлежности слова vulgus. Значительная часть фрагментов Афрания, Пакувия, Акция, Сисенны и Луцилия дошла до нас благодаря этому автору IV в. н.э.

В сохранившихся фрагментах трагедий Афрания, акме которого приходится, как предполагают, на вторую половину II в. до н.э., vulgus не встречается, но в трагедии «Privignus» герой отвергает (презирает) свойственное толпе легкомыслие:

Dehinc temeritatem repudo vulgariam

(fr. XIII, 1. 258)¹⁷.

Vulgo в значении обычного действия встречается также в одном из неидентифицированных фрагментов того же автора (fr. II, l. 404).

В трагедии «Dulorestes» другого римского драматурга примерно того же времени, Пакувия, vulgus, очевидно, синонимично плебсу, причем контекст свидетельствует об отрицательном отношении автора либо его персонажа к vulgus¹⁸.

Луций Акций был одним из самых плодовитых римских драматургов II — начала I в. до н.э., но и от его трагедий сохранились лишь незначительные фрагменты¹⁹. В плохо сохранившемся фрагменте трагедии «Еврисак» (fr. XXVI) некий узурпатор будоражит народ (turbat vulgus) в попытке не допустить возвращения законного правителя Теламона (стк. 367 сл.). Сохранившая строка трагедии «Эпигоны» (fr. II), сюжетом которой был второй поход против Фив, содержит замечательную аллитерацию:

Et nonne Argivos fremere bellum et velle vim vulgus videt?

(И не видно ли, что аргосцы кличут войну и толпа жаждет насилия?)

(1.588).

Vulgus в данном случае обозначает народ. Если vulgus и имеет в трагедиях Акция слегка пейоративный оттенок, то он почти незаметен. В любом случае на основании двух дошедших до нас употреблений трудно делать решительные выводы²⁰. Что же касается turba, то это слово совершенно определенно в трагедиях Акция означает беспорядок, мятеж, которого следует остерегаться:

Ah! dubito; ah! quid agis? cave ne in turbam te implices!

(Ах, я колеблюсь. Ах, что ты делаешь? Берегись, не ввязывайся в мятеж!)

(Athamas, Fr. I, 1, 432).

Non vides quam turbam, quantos belli fluctus concites?

(Не видишь, какое смятение, сколь многочисленные волны войны ты возбуждаешь?)

(Stasiast., fr. III, 1. 403).

¹⁶ Нами использовано издание: Nonius Marcellus. De compendiosa doctrina / Ed. W.M. Lindsay. V. I-II. Lpz, 1903.

¹⁷ Цитаты даются по изданию в серии «Les belles lettres»: Comoedia togata. Fragments / Par A. Daviault. P., 1981.

¹⁸ Nonne officium fungar vulgi atque aegre male factum feram (стк. 126 Warmington). Turba в другом месте обозначает толпу (стк. 117). См. Remains of Old Latin / Ed. E.H. Warmington. V. II. Cambr. Mass. – L., 1967. О синонимичности vulgus плебсу у Пакувия см. *Biliński*. Intorno... P. 726.

¹⁹ Мы пользовались последним изданием Акция, которое надавно появилось в серии «Les belles lettres»: *Accius*. Oevres (fragments) / Par J. Dangel. P., 1995. Нумерация дается по этому изданию, однако для сопоставления было использовано издание Уормингтона.

 $^{^{20}}$ Б. Билиньский явно преувеличивает, считая Акция чуть ли не идеологом сенаторской аристократии (Accio...).

В сохранившихся стихах Луцилия vulgus упоминается дважды: один раз vulgus обозначает хор жрецов-салиев, которые должны были синхронно повторять замысловатые прыжки лидера-солиста (praesul ut amptruet inde, ut vulgus redamptruet inde)²¹; в другом месте речь идет о толпе, ожидающей хлебных раздач (dilectum video studiose vulgus habere)²². Совершенно очевидно, что vulgus для Луцилия означал скопление людей и никакого пейоративного оттенка не нес. Напротив, vulgus для Луцилия – не только ожидающие хлебных раздач беднейшие граждане, но даже коллегия жрецов-салиев.

Анналист Сисенна в книге III «Историй» пишет о том, что «неискушенный (политик?) приводит в движение толпу» (inperitus concitat vulgum) (Sisenna. Fr. 48 P = Non. Marc. 341 L). Часто встречается vulgus (volgus) и в сохранившихся сочинениях, и фрагментах энциклопедиста Варрона. В «Менипповых сатурах» vulgus встречается в самых разных контекстах: это и противопоставление философов (речь идет о Демокрите и Гераклиде Понтийском) народу (Fr. 81, Fr. 359 = Non. Marc. 342 L), и обозначение населения Аттики (vulgus Atticus) (Fr. 480); vulgus — также скопление рабов и служанок (Fr. 146). В трактате «О латинском языке» мнение Катона и Энния противопоставляется общераспространенному (ut Cato et Ennius scribit, non ut dicit volgus) (De ling. lat. 9. 107). Несомненно, однако, что для Варрона vulgus — это просто народ, скопление людей; нет никаких признаков негативного отношения ученого-Энциклопедиста к данному феномену. Vulgus вызывала у Варрона опасений не больше, чем римский народ в целом (De ling. lat. 5. 48, 5. 58, 6. 42, 9. 107).

Единственное упоминание vulgus в надписях города Рима (к остальным томам CIL нет указателя) относится примерно к тому же времени, концу II — началу I в. до н.э. В надгробной надписи, найденной на via Nomentana в Риме, восхваляется некая Aurelia Philematium, «чистая, стыдливая, толпе незнакомая, мужу верная (casta, pudens, volgei nescia, feida viro)» (CIL VI. 9499; ei = i). Очевидно, в данном случае подчеркивалось то, что женщина редко покидала свой дом. Впрочем, другая надгробная надпись (via Pinciana, Рим), напротив, превозносит некую Перузину как раз за то, что все ее достоинства и она сама были известны всем (notissima volgo) (CIL VI. 37965). Надписи мало что добавляют к письменным текстам по рассматриваемому нами вопросу.

Значительный интерес представляет рассмотрение употреблений vulgus и turba в сочинениях Корнелия Непота. Несмотря на то что большая часть биографий подвергалась сокращению в период поздней Империи, сомнительно, чтобы изменения коснулись лексики. Очевидно и то, что римский биограф использовал греческие источники, и поэтому возникает проблема передачи греческой социальной лексики. Корнелий Непот однозначно переводит $\delta \hat{\eta} \mu o \zeta$ в значении гражданского коллектива как populus (Milt. 8. 4; Alcib. 6. 4; Epam. 7.5 и т.п.). Естественно, что римский народ обозначается так же, как populus (Han. 1.1). Plebs употребляется лишь однажды в исключительно римском контексте: речь идет об избрании Катона плебейским эдилом (Cat. 1.3). Multitudo обозначает скопление солдат (Milt. 2.1; Dat. 6.2, 7.3), кораблей (Them. 3.3, 4.5) и даже животных (Han. 5.2, 10.4 sq.) и не несет никакого социального смысла.

Как же римский биограф переводит ὄχλος? Для этого следует рассмотреть употребления turba (одно) и vulgus (13) Корнелием Непотом. Turba и vulgus в биографии Датама встречаются в одном пассаже: «Узнав об этом, Датам сообразил, что если до простых воинов дойдет слух (in turbam exisset) об измене столь близкого ему человека, то найдутся и другие, которые последуют его примеру. Поэтому он во всеуслышание объявил (in vulgus edit)...» (Dat. 6.3 sq.). Оба слова в данном случае предполагают обнародование, распространение известий среди рядовых солдат; никакого пейоративного оттенка в данном случае нет. Подобное значение (обнародования, опубликования, известности) vulgus имеет и в ряде других случаев (Pelop. 1.1; Att. 16.3). Vulgus

²² Fr. 459 – lib. XIV Krenkel = Fr. 483 Warmington (cf. Fr. 484).

²¹ Lucil. Sat. Fr. 323 – lib. IX Krenkel (Lucilius. Satiren / Lat. und deutsch von W. Krenkel. Teil I–II. B., 1970) = Fr. 348 Warmington (Remains of Old Latin / Ed. E.H. Warmington. V. III. Cambr. Mass. – L., 1979).

у Непота – это и толпа воинов (Alc. 8.2; 8.6), но чаще – жители как греческих полисов, так и Рима. Погребальные носилки Аттика сопровождали и добропорядочные граждане, и толпа простонародья (vulgus) (Att. 22.4). В противоположность vulgus, которая охотилась за проскрибированными во время второго триумвирата, Аттик как истинный представитель boni помогал жертвам триумвиров (Att. 11. 1). Непот, таким образом, проводил четкую грань между этими двумя категориями римских граждан.

В греческих биографиях картина несколько иная, хотя и здесь vulgus — это граждане полиса. Vulgus призывают к оружию (Pelop. 3.3), толпа афинских граждан (vulgus) восторженно встречает Алкивиада (Alcib. 6.1, 6.3), широкий образ жизни и независимое поведение афинского стратега Хабрия навлекли на него зависть сограждан (vulgus) (Chabr. 3.3), настроение сиракузских граждан (vulgus) меняется не в пользу Диона (Dio 7.3, 10.2). В некоторых случаях можно усмотреть осуждение автором vulgus, но в греческих биографиях Непота отсутствует противопоставление vulgus — boni, для римлянина Непота весь греческий демос — это vulgus.

Употребление vulgus и turba в речах, письмах и трактатах знаменитого римского оратора Марка Туллия Цицерона заслуживает, несомненно, отдельного рассмотрения; обширность дошедших до наших дней сочинений Цицерона дает исследователям возможность для обобщений²³.

Речи Цицерона, как и всякого другого оратора, были рассчитаны на его аудиторию; однако аудитория эта, как указывал сам оратор, была, по крайней мере в идеале, аудиторией добропорядочных граждан (boni)²⁴. В речи в защиту Секста Росция оратор сделал специальную оговорку, что его речь ни при каких условиях не должна распространяться среди толпы (in vulgus emanare) (Sex. Rosc. 3). Если при этом мнение толпы и принималось Цицероном во внимание, то только для корреляции действий политиков (Verr. I. 1; Sest. 113 etc.) по отношению к невежественной (по сравнению с римским народом – populus) толпе (imperitorum vulgus) (Muren. 38). О самой толпе оратор (подчеркивая при этом, что разделяет мнение других мудрецов – sapientes) был самого низкого мнения: «У толпы нет разумности, расчета, способности различать, основательности (поп est... consilium in vulgo, non ratio, non discrimen, non diligentia)» (Planc. 9); «Нет ничего более ненадежного, чем толпа (nihil est incertius vulgo)» (Muren. 36)²⁵. «Такова толпа: из истины она ценит немногое, а из предрассудков – многое» (sic est vulgus; ex veritate pauca, ex opinione multa aestimat – Qu. Rosc. 29).

В речах Цицерона vulgus означает низшие слои римского гражданства, которые интересовали оратора по большей части в период предвыборной борьбы 26 . Позиция толпы ясно отделяется оратором от позиции гражданского коллектива (patimini me delicta vulgi a publica causa separare – Flacc. 58).

Письма Цицерона, котя и предназначались для опубликования, неизбежно имели именно «риторический» характер, чем речи. Поэтому vulgus зачастую используется для обозначения общего мнения, народной молвы (Fam. III. 11.1; VII. 1.3; Att. IX. 5.2); на это сборище простонародья в Риме (Att. II. 22. 3) или в своей Формийской усадьбе (Att. II. 14. 2) оратор смотрит свысока и слегка иронично, не забывая при этом о

²³ Эллегуарк в значительной мере основывает свои выводы на материале сочинений Цицерона (Op. cit. Passim).

²⁴ О boni см. подробнее: *Трухина Н.Н.* Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 52–55.

²⁵ Иногда речь Цицерона почти неотличима от стандартных высказываний значительно более поздних критиков демократии: «Часто, даже без всякой видимой причины, исход выборов не соответствует нашим ожиданиям, так что иногда народ даже удивляется тому, что совершилось, как будто не сам он это совершил. Нет ничего менее надежного, чем толпа, ничего менее темного, чем воля людей, ничего менее обманчивого, чем весь порядок выборов» (Мигеп. 35–36. Пер. В.О. Горенштейна).

²⁶ Что же касается turba, то это слово в речах Цицерона обозначает беспорядок, мятеж (например, Sex. Rosc. 91), схватку, суматоху (например, Mil. 33), сброд (Мигеп. 49 – имеются в виду сторонники Катилины). В письмах, наряду с указанными значениями (например, «замешательство» – Att. VI. 1. 14), turba может иметь значение толпы (к примеру, сборища клиентов и просителей – Att. VI. 2. 10).

дистанции между vulgus (multitudo) и boni (honesti) (Fam. II. 6. 3; 21. 1). Свои же настоящие чувства без ложной скромности выразил Цицерон в письме Катону в январе 50 г.: «Если когда-нибудь был кто-либо, и по своей природе и, более того, как мне, по крайней мере, кажется, по образу мыслей и образованию далекий от стремления к пустой славе и пересудам черни (ab inani laude et sermonibus vulgi), то это, конечно, я» (Fam. XV. 4. 13. Пер. В.О. Горенштейна). Но даже в этом месте нет явного пейоративного оттенка, скорее – констатация социальной и культурной дистанции. В письмах Цицерона vulgus – масса рядовых граждан (vulgus ac multitudo – Fam. II. 6. 3), которым нужен вождь (Fam. II. 6. 3 sq.).

В трактатах Цицерона vulgus – невежественная масса (vulgus imperitorum – De nat. deor. I. 43, 101; III. 39; cf. De off. II. 35; III. 84); учитывая opiniones vulgi, необходимо поддерживать и общественные нравы, и религию (De divin. II. 70). Vulgus не понимает, что относится к совершенному (De off. III. 15) и противопоставляется «образованным» (sapienti) (Lael. 7). Вообще vulgus для Цицерона – это прежде всего рядовые граждане (De off. III. 73), даже зрители, которые должны оценить произведение искусства (De off. I. 147). Политика по отношению к vulgus, несомненно, важна для государства, и сам Цицерон не снисходит до осуждения этого необходимого общественного элемента – для него пропасть между vulgus и boni, а тем более между vulgus и sapientes совершенно очевидна. Однако vulgus сама по себе особой ненависти у знаменитого оратора не вызывает.

Употребления vulgus и turba в сочинениях Саллюстия сравнительно немногочисленны. Наиболее «знаковое» употребление vulgus – в речи Катилины, призывающего своих сторонников выступить против традиционной системы власти сенаторской аристократии. «Ибо с того времени, как кучка могущественных людей целиком захватила власть в государстве, цари и тетрархи - их постоянные данники, народы и племена платят им подати, мы, все остальные, деятельные, честные, знатные и незнатные, были чернью, лишенной влияния, лишенной авторитета (strenui boni²⁷, nobiles atque ignobiles, volgus fuimus sine gratia, sine auctoritate), зависевшей от тех, кому мы, будь государство сильным, внушали бы страх. Поэтому всякое влияние, могущество, магистратуры, богатства находятся у них в руках» (Sall. Cat. 20. 7 sq. Пер. В.О. Горенштейна). В этой речи vulgus, включающая в себя даже boni, представляется безликой массой рядовых граждан, которая не оказывает влияния на принятие политических решений и не получает материальных выгод от господства Рима над Средиземноморьем; vulgus противопоставляется potentes - политической элите, которая и обладает реальной властью. Конечно, для честолюбца Катилины было совершенно неприемлемо оказаться в рядах этой массы.

В «Югуртинской войне» Саллюстий дает характеристику vulgus, и, хотя речь идет о Нумидии, эта характеристика имеет для историка всеобщее значение: «Ибо, как бывает в большинстве случаев, чернь, особенно нумидийская, отличалась непостоянством, склонностью к мятежам и раздорам, жаждала переворотов, спокойствию и МИРУ была враждебна» (Nam volgus, uti plerumque solet et maxume Numidarum, ingenio mobili, seditiosum atque discordiosum erat, cupidum novarum rerum, quieti et otio advorsum) (Bel. Jug. 66. 2. Пер. В.О. Горенштейна). Здесь, как и несколько ниже (69.2), речь идет о рядовых горожанах. Народные трибуны возбуждали vulgus против Метелла и превозносили Мария (Bel. Jug. 73.2), vulgus поддерживала Мария (Bel. Jug. 84. 3). В «Заговоре Катилины» говорится о volgi rumoribus – «пересудах толпы» (Cat. 29. 1).

Turba у Саллюстия имеет значение беспорядка, волнений (плебс под воздействием заговорщиков стремится к turba atque seditionibus — Cat. 37. 3). Римский историк, несомненно, относился свысока и осуждал способы действий vulgus — низших слоев населения.

²⁷ «Деятельные добрые (мужи)»; ср. ниже, «храбрейшие мужи» (fortissimi viri) (20.9). Здесь очевидно противопоставление «boni», деятельных, храбрых, но при этом необязательно знатных, «viri boni», которые традиционно составляли римскую элиту.

У его современника, знаменитого полководца и государственного деятеля Юлия Цезаря мы обнаруживаем несколько другой подход к vulgus. Наречие vulgo отмечает либо обыденное, постоянное действие, либо действие, совершенное толпой (Bel. Gall. 1. 39. 5; 2. 1. 4; Bel. Civil. 1. 28. 2; 1. 74. 7; 3. 29. 3; 3. 48. 2; Bel. Alex. 6. 2). В «Записках о Галльской войне» in vulgus militum означает «в солдатской среде» (Bel. Gall. 1. 46. 2), а когда римское войско стало терпеть неудачи, солдаты стали толпой покидать строй («отступать от значков» – ut vulgo milites ab signis discederent – Bel. Gall. 5. 33. 6).

Цезарь использует также vulgus для обозначения непривилегированных слоев населения галльских городов (oppides). «Купцов в городах окружает толпа» (mercatores in oppidis vulgus circumsistat – Bel. Gall. 4. 5. 2), друиды не желают «нести в народ» свое учение (neque in vulgum disciplinam efferi velint – 6. 14. 4), жалость к толпе (misericordia vulgi) вынудила Верцингеторига отказаться от своего намерения сжечь Аварик (7. 15. 6). Наконец, Конвиктолитав доводит плебс эдуев до крайней ярости, и тот выступает против римлян (7. 42. 3). Тем не менее сам Цезарь решил не наказывать все племя (civitas) эдуев «из-за невежества и легкомысленности толпы» (propter inscientam levitatemque vulgi – 7. 43. 4). Только в этом месте действия vulgus (т.е. плебса эдуев) однозначно осуждаются Цезарем, который сам был непосредственным участником описываемых событий.

Лишь один раз в своих сочинениях Цезарь использует turba (вместе с multitudo) для обозначения бегущих помпеянцев (Bel. Civ. 2. 35. 3).

В отличие от сочинений Саллюстия в трудах Цезаря vulgus, за исключением одного случая, имеет вполне нейтральное значение. Это нас не должно удивлять: Цезарь заигрывал с этой самой vulgus и стремился заслужить ее симпатии. К тому же сам жанр «Записок» не предполагал морализаторства, а стиль был подчеркнуто антириторичен. Вероятно, всеми этими факторами и можно объяснить различия в отношении двух современников к vulgus.

Интересно рассмотреть употребление vulgus в сочетаниях римских поэтов I в. до ${\rm H.o.}-{\rm I}$ в. ${\rm H.o.}$

В знаменитой поэме «О природе вещей» Лукреций шесть раз употребляет vulgus и девять раз — turba²⁸. Vulgus поэт использует обычно для обозначения множества людей: мостовая, стертая ногами толпы (vulgi pedibus) (1. 315), головы свергнутых на заре человеческой истории царей скатываются под ноги толпы (sub pedibus vulgi), после чего наступает смута (turba) (5. 1138 sqq.). Во время процессии в честь Матери богов (Deum Mater) толпа (vulgus) приходит в священный трепет перед божественной волей (2. 622). Говоря о происхождении живых существ, поэт утверждает:

Но коль и можно, то все ж из их сочетаний друг с другом

Только б одна мешанина созданий живых получилась

(Nil facient praeter vulgum turbamque animantum)...

(2. 921. Пер. Ф.А. Петровского).

Здесь vulgus и turba выступают как синонимы.

К учению эпикурейцев, по мнению Лукреция, «толпа испытывает отвращение» (retroque/vulgus abhorret ad hac), и поэтому поэт хочет его представить в стихах (1.945 = 4.20). Здесь нет осуждения мнения толпы; наоборот, поэт сообщает другу, что стремится приспособиться к нему, смягчая поэтической формой сухость эпикурейской доктрины.

В поэме «О природе вещей» turba обычно означает беспорядочно движущуюся материю (1. 1113; 2. 127; 3. 928; cf. 2. 550), скопление облаков (6. 465, 511), множество первоначал голосов (4. 530).

В дошедших до нас стихах Катулла зарегистрировано всего два употребления vulgus²⁹. Одно из них достаточно тривиально – поэт спрашивает своего оппонента Рави-

²⁸ Wacht M. Concordantia in Lucretium. Hildesheim et al., 1991. Р. 747, 808. Следует отметить, что некоторые употребления повторяются, будучи частью постоянных эпитетов.

²⁹ При этом поэт ни разу не употребил ни наречия vulgo, ни слова turba. См. *McCarren V.P.* A Critical Concordance to Catullus. Leiden, 1977.

да: «Иль у всех на устах (in ora vulgi) ты быть желаешь?» (40. 5. Пер. С.В. Шервинского). В другом стихотворении поэт обращается к Лесбии:

Dilexi tum te non tantum ut vulgus amicam,

Sed pater ut gnatos diligit et generos.

И полюбил я тебя не так, как обычных подружек,

Но как родитель – сынов или дочерних мужей

(72. 3-4. Пер. С.В. Шервинского).

Здесь мы видим не только характерное для Катулла противопоставление любви – страсти (amor) и любви деятельной, благожелательности (benevolentia) 30 , но и противопоставление vulgus – familia, причем именно familia рассматривается как неоспоримая ценность.

Vulgus у Вергилия может обозначать и стадо (Aen. 1. 190; Georg. 3. 149), и толпу воинов (Aen. 12. 223; Georg. 4. 69), и народ (Aen. 11. 451). В некоторых случаях подчеркивается беззащитность толпы — безоружная толпа (Aen. 12. 131), толпа, вызывающая жалость (miserabile vulgus — Aen. 2. 798), но в целом сочинения Вергилия не свидетельствуют о каком-то осуждении поэтом толпы, vulgus.

Совсем другую картину мы наблюдаем у Горация. Употребление vulgus и turba Горацием достаточно любопытно и, на первый взгляд, выделяется из общего ряда. Vulgus употребляется дважды в одном и том же сочинении – третьей сатире второй книги «Sermones», повествующей о людском безумии. В первом случае vulgus соотносится с толпой зрителей в театре (Serm. 2. 3. 62), во втором – речь идет о суеверных людях из низших слоев общества (выше упомянут некий вольноотпущенник):

Hoc quoque volgus

Chrysippus ponit fecunda in gente Meneni.

Эту всю сволочь Хрисипп³¹ в собратьях Менения числит (Serm. 2. 3. 286. Пер. М. Дмитриева).

Еще более явно отношение Горация к vulgus проявилось в знаменитой первой оде третьей книги горациевских «Сагтіпа»: «Odi profanum vulgus et arceo» («ненавижу и прочь гоню невежественную толпу»). Отношение Горация, сына вольноотпущенника, к невежественной толпе было крайне отрицательным. Противопоставление поэта и толпы проходит через все творчество Горация³².

В отличие от прозаических текстов turba у Горация не несет значения беспорядка, суматохи, мятежа, а имеет вполне нейтральный оттенок и обозначает скопление гостей – толпу на аукционе (Ars poet. 419), толпу мальчишек (Serm. 1. 3. 135), толпу гостей (Serm. 2. 8. 26), а в знаменитой первой оде – толпу римских граждан, квиритов (Carm. 1. 1. 7). Однако в десятой сатире первой книги Гораций, возражая воображаемому стороннику Луцилия, решительно отделяет себя от «толпы старших поэтов» (роеtarum seniorum turba) (Serm. 1. 10. 67) и призывает не ориентироваться на вкусы толпы (turba) (Serm. 1. 10. 73).

При анализе стихотворений Горация следует учитывать особенности поэтического языка: multitudo, обычно обозначающее множество людей, не подходит ни под какой поэтический размер. Поэт вместо него употреблял более нейтральное (с его точки зрения) turba, а не vulgus, которое, похоже, имело отрицательный оттенок. Таким образом на Горация повлияла риторическая традиция осуждения vulgus.

Младший современник Горация Тибулл писал о том, что толпу более всего вводит в заблуждение то, к чему она относится с обожанием (falso plurima vulgus amat – III. 4, стк. 20); в другом приписываемом Тибуллу стихотворении подчеркивается непостоянство толпы (III. 7, стк. 45).

Может показаться, что в конце республиканского - в начале императорского

³⁰ Гаспаров М.Л. Поэзия Катулла // Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений / Изд. подг. С.В. Шервинский, М.Л. Гаспаров. М., 1986. С. 201 слл.

³¹ Характерно противопоставление vulgus Хрисиппу, известному философу-стоику III в. до н.э., чье учение было рассчитано именно на элиту.

³² *Крюков*. Ук. соч.

периода в римской литературе оппозиция творца и толпы (vulgus) приобретает всеобщий характер. Обратимся к сочинениям авторов раннеимператорского периода. В труде Тита Ливия turba выражает неустойчивость, изменчивость, свойственные народной массе, vulgus характеризует прежде всего социальную дистанцию между humilliores и людьми, причастными к власти (сенаторами и др.); при этом vulgus обычно не несет никакого отрицательного оттенка, поскольку обозначает достаточно незыблемую реальность³³.

«История Александра Македонского» Курция Руфа, автора I в. н.э., не считается вершиной ни римской словесности, ни римской историографии. Автор, компилируя материалы греческих источников, описал деятельность знаменитого завоевателя. В трупе Курция Руфа vulgus и turba встречаются довольно часто (14 и 21 раз соответственно)³⁴. Vulgus используется для обозначения скопления воинов Александра (например, 6. 2. 21, 8. 24; 7. 2. 33; 9. 9. 10; 10. 6. 4) или народа (персов или жителей индийских городов – 3. 3. 7; 4. 10. 5, 10. 7; 9. 1. 20 и т.п.) и не несет никакого пейоративного оттенка. Что касается turba, то этим словом Курций Руф чаще всего обозначает толпу нестроевых, сопровождавших войско (актеров, обозных слуг, женщин и т.п.) (3. 3. 22, 3. 27, 11. 25; 6. 2. 5, 8. 23), побежденных врагов (жителей Тира 4. 4. 14); иногда turba прилагается и к македонцам (толпа друзей царя – 10. 6. 17). И только дважды turba приобретает отчетливо отрицательный оттенок, обозначая большое по численности, но неорганизованное войско варваров – индийцев, бактрийцев, согдийцев, скифов (9. 2. 22, 2. 25). Курций Руф не стремился противопоставить себя толпе. Vulgus для него - это толпа рядовых солдат, незнатных граждан, даже друзей царя, которые занимают вполне определенное место в обществе³⁵.

Поэтические тексты этого времени также не содержат сентенций, осуждающих vulgus. Так. в поэме Лукана «Фарсалия» vulgus, как правило, – народ (1. 352, 486, 509; 3. 58; 10. 11, 178 etc.), иногда – войско (7. 47, 249), толпа женщин (7. 39)³⁶. Единственный (и не бесспорный) пример пейоративного оттенка можно усмотреть в стихе, в котором Цезарь обвиняется в увеселении толпы, добиваясь народной любви (multa dare in vulgus, totus popularibus auris – 1. 132).

Такое же отношение к vulgus и в «Сатириконе» Петрония. Arbiter elegantiarum использовал vulgus сравнительно редко, в основном в цитатах. Vulgus для него – народ (незнатные, простонародье), turba – толпа, скопление людей. Однако невозможно уловить различимый пейоративный оттенок ни в том, ни в другом слове.

Примерно такое же отношение к vulgus можно наблюдать и в трагедиях Сенеки³⁷. Для Сенеки vulgus – это народ как вообще, так и собравшийся по какому-либо поводу, причем без всякого пейоративного оттенка (см., например, Herc. Oet. 605, 608, 1745; Troad. 67, 80, 1098). Напротив, turba – активное сборище; это слово очень часто встречается в негативном контексте (см., например, Herc. Oet. 560, 962 sq., 1902). Подобное словоупотребление – не просто индивидуальная черта творчества Сенеки; подобную картину мы можем наблюдать в исторической драме (fabula praetexta) «Октавия» В уста Нерона ее автор вкладывает такие слова:

³³ Карпюк С.Г. Полибий и Тит Ливий: окуло и его римские соответствия // ВДИ. 1996. № 3. С. 44–53.

³⁴ Therasse J. Quintus Curtius Rufus. Index verborum. Hildesheim – New York, 1976. P. 478, 508.

³⁵ Можно также с большой долей вероятности предположить, что Курций Руф словом vulgus передавал πλήθος своих греческих источников, а словом turba – ὄχλος. Во всяком случае характерно, что Ксенофонт последовательно употребляет для обозначения обозных слуг, женщин, сопровождавших войско, и т.п. См. Карпюк С.Г. "Όχλος от Эсхила до Аристотеля: история слова в контексте истории афинской демократии // ВДИ. 1995. № 4. С. 31–50.

³⁶ Впрочем, для обозначения толпы Лукан обычно использует слово turba (например, 1. 512; 5. 333; 6. 593). См. также *Deferrari R.J., Fanning M.W., Sullivan A.S.* A Concordance of Lucan. Washington, 1940. P. 555 f., 592.

³⁷ Следует отметить, что Сенека гораздо чаще употреблял turba, нежели vulgus. См. *Oldfather W.A. et al.* Index verborum quae in Senecae fabulis necnon in Octavia Praetexta reperiuntur. Illinois, 1918. P. 246, 262.

³⁸ Ее авторство традиция ошибочно приписывает Сенеке. Однако очевидно, что она была написана вскоре после гибели Нерона.

Male imperatur, cum regit vulgus duces (Плохо осуществляется верховная власть, если народ повелевает властителями) (Oct. 579).

Vulgus — в данном контексте обозначает римский народ (cf. Oct. 455, 796) и противопоставляется правителям, duces (как и в Troad. 1098). Напротив, turba немилосердна
(Oct. 835), пытается напасть на императорский дворец и диктовать императору свою
волю (Oct. 851 sq.). В устах Нерона turba — это возмущенная и активная толпа граждан
(cives — Oct. 856), и, очевидно, что именно ее и следует опасаться императору. При
этом было явным преувеличением говорить о противопоставлении vulgus и turba в
трагедиях Сенеки: иногда они используются почти как синонимы (Troad. 1098 sqq.).
Сенековская патетика не предполагает «терминологичности», скорее наоборот.
Однако характерно, что даже в рамках этой патетики не нашлось места для
обличения vulgus.

На первый взгляд, в «Нравственных письмах к Луцилию» мы наблюдаем другую картину. Сенека пишет о том, что счастливый человек – совсем не тот, кого толпа таковым именует (quem vulgus appellat) (Sen. Ad Lucil. 45. 9), что лишь мудрец может обладать честностью, а толпа (vulgus) – лишь ее призраками и подобиями (Ad Lucil. 81. 13), и вообще все, что жаждет толпа, скоротечно (Ad Lucil. 72. 7). Примеры противопоставления философа (мудреца, правителя) толпе (vulgus) можно и продолжить (Ad Lucil. 55. 4, 66. 31), однако важно, что они никакого специального социального подтекста не содержат – лишь обычное у стоиков (и не только у них) противопоставление мудрого человека профанам. Vulgus для Сенеки – воплощение всеобщности (Ad Lucil. 67. 12, 98. 13); толпа – не только низшие слои общества, но все немудрецы, и философам не стоит идти наперекор людским обычаям (Ad Lucil. 5. 3; cf. De brev. vit. 1. 1).

И только размышляя о поведении толпы во время цирковых зрелищ, философ не мог скрыть своих чувств: жестокость зрителей вызывала в нем резкое неприятие и отвращение, но здесь толпа – не столько vulgus, сколько populus, homines (Ad Lucil. 7. 1 ff.), целью философа в данном случае было осуждение свойственных всему человечеству низменных страстей.

Зато исторические сочинения Корнелия Тацита дают множество примеров неприязненного отношения автора к черни (plebs, turba, vulgus). Идеальному народу былых времен (populus) Тацит противопоставил современную ему безликую чернь³⁹. Тацит, как и другие римские авторы императорского времени, использует turba, vulgus, plebs, multitudo как синонимы, обозначая этими словами всех тех, кто не относился к сенаторскому либо всадническому сословию⁴⁰. Однако vulgus все же имеет более выраженный пейоративный оттенок: так, германских общинников Тацит обычно называет plebs (Hist. 2. 61; Germ. 10, 11, 12 etc.), а горячо им нелюбимое население восставшей Иудеи, как и другие народы, выступившие против владычества Рима, – vulgus (Hist. 4. 62, 5. 3, 5. 8; Ann. 1. 55, 2. 19). Как справедливо отметил Ц. Явец, vulgus вообще встречается чаще в сохранившихся книгах «Истории», наполненной описаниями социальных потрясений, нежели в «Анналах»⁴¹. Тацит не жалеет самых сильных эпитетов для характеристики vulgus: vulgus pronum ad suspitiones (Hist. 2. 21), vulgus stolidum (Hist. 2. 61), vulgus credulum (Hist. 2. 72), vulgus improvidium (Hist. 3. 20), vulgus ignavum et nihil ultra verba ausurum (Hist. 3. 58)⁴². Vulgus – это и социальная среда

³⁹ По этому поводу можно привести авторитетное мнение Г.С. Кнабе: «История империи для Тацита есть процесс углубляющегося разложения былой целостности народного бытия... Понятие римского народа у Тацита двоится: рядом с "народом" как носителем идеального величия и мощи Рима появляется "чернь" – беспринципная, продажная, подверженная случайным настроениям и разрушительная в своей слепой ярости масса – plebs. Бушующая толпа солдат или горожан – непременное действующее лицо почти всех книг "Истории"» (Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 2. Л., 1969. С. 257. Прим. 115).

⁴⁰ Yavetz. Plebs and Princeps. P. 7 f., 154 f.

⁴¹ Ibid. P. 147. Cf. Newbold. Op. cit. P. 85 ff.

⁴² Yavetz. Plebs and Princeps. P. 142.

для распространения самых вздорных и вредных, с точки зрения историка, слухов⁴³. Конечно, в некоторых контекстах vulgus может иметь вполне нейтральное значение. Однако весьма характерно, что в тех случаях, когда Тацит обобщает, высказывает свое отношение к данному феномену, резко отрицательное отношение преобладает⁴⁴. Тацит, вероятно, пытался подчеркнуть социальную дистанцию между сенаторами и всадниками и plebs sordida, vulgus, multitudo; возможно, это хоть в какой-то мере служило компенсацией за все увеличивавшийся отрыв социальных верхов от политической власти.

Плиний Младший был современником и другом Тацита, можно ожидать найти соответствия в отношении обоих авторов к римской толпе. Рассмотрим употребление vulgus и turba в письмах и в «Панегирике» Плиния Младшего⁴⁵. Важно то, что до нас дошли как письма этого автора (в том числе и вполне официальная переписка с императором Траяном во время исполнения Плинием обязанностей наместника провинции), так и его риторическое сочинение – «Панегирик», что дает возможность для сопоставления.

Тигbа обычно имеет негативный оттенок, обозначая, как правило, возбужденную, руководствующуюся эмоциями, а не разумом, толпу, собравшуюся в определенном месте. Такая толпа противопоставляется не «сенаторам», «немногим», но одиночеству, уединению. Плиний советует своему корреспонденту: «Приветствуй других некоторое время сам, чтобы стало приятнее слушать приветствия, потолкайся в этой толпе, чтобы насладиться уединением (terere in hac turba, ut te solitudo delectet)» (Epist. VII. 3. 3.). Более того, сами сенаторы в момент раздоров в их среде обозначаются как turba: «Вот и выходит, что мысль, поддержанную беспорядочными криками многих, никто не выскажет вслух среди окружающего молчания: сущность дела, невидная в толпе (turba), раскрывается, когда из толпы (turba) выйдешь» (Epist. II. 11. 7).

Особенно опасливо относится к turba сам император Траян. Даже вполне мирные толпы (turba) путешественников, перемещающиеся через Византий, вызывают в нем стремление усилить гарнизон города, «поставив для охраны легионного центуриона» (Epist. X. 78. 1); что же касается кассы взаимопомощи (eranum) в Амисе, то она ни в коем случае, пишет Траян Плинию, не должна использоваться «для смут и недозволенных союзов» (ad turbas et ad inlicitos coetus) (Epist. X. 93). Поэтому совсем неудивительно, что в письме к Траяну Плиний называет примкнувших к христианам turba hominum (Epist. X. 96. 10).

Однако в «Панегирике» turba, как будто бы, приобретает совсем другой оттенок. Восторженная толпа (turba) приветствовала Траяна перед входом в храм (Paneg. 5. 4), толпа зрителей обступила его около курии (Paneg. 23. 2), задерживала движение императора, не использовавшего ликторов (Paneg. 76. 8), толпа на комициях пришла в движение (Paneg. 64. 1), даже толпа младенцев должна появиться на свет благодаря щедрой социальной помощи (Paneg. 28. 6), во время правления Траяна «двери государя не осаждаются толпою отвергнутых посетителей» (Paneg. 79. 6), толпа сенаторов на островах, служивших местом ссылки, сменяется толпой доносчиков (Paneg. 35. 2).

В чем причина такого различия? Прежде всего речь должна идти о разном характере текстов: «Панегирик» – риторическое сочинение, письма носят личный либо деловой (переписка с императором) характер. Тигва писем – это «незаконное сборище»; аналогично употребляется turba в современных Плинию юридических текстах (см. ниже). Тигва «Панегирика» – это вполне доброжелательно настроенный к императору народ. Соответственно и отношение к turba в письмах и в «Панегирике» прямо

⁴³ Крюков А.С. Устная традиция в «Анналах» Тацита // ВДИ. 1997. № 1. С. 139.

⁴⁴ Из 36 случаев у Тацита нет ни одного положительного контекста, а резко негативное отношение отмечается в 17 случаях. См. *Newbold*. Ор. cit. P. 89.

⁴⁵ Цитаты даются в переводах М.Е. Сергеенко и А.И. Доватура (с некоторыми незначительными изменениями) по изданию из серии «Литературные памятники»: Письма Плиния Младшего / Изд. 2-е, подг. М.Е. Сергеенко, А.И. Доватур. М., 1982.

противоположно: решительное пресечение в первом случае и благожелательство и осыпание всевозможными благодеяниями – во втором.

Насколько же отличается употребление vulgus?

Vulgus для Плиния — не просто столпившаяся масса людей, но олицетворение простонародья, низкого, но необходимого элемента общества. Плиний может свысока относится к vulgus, но для достижения известности и славы должен заискивать перед этой полуграмотной массой⁴⁶.

Плиний в одном из писем описывает свое выступление перед земляками в Комо: «Я говорил эту речь не перед народом (populus), а перед декурионами, и не на площади, а в курии. Боюсь оказаться непоследовательным: при моем выступлении я хотел избежать громкого одобрения и согласия толпы (vulgus); теперь, издавая свою речь, я ищу его. А я ведь не пустил этот самый народ (plebs), о котором заботился, на порог курии, чтобы не показалось, будто я перед ним как-то заискиваю...» (Epist. I. 10. 16 sq.). Здесь vulgus синонимичен и плебсу, и коллективу граждан (populus), противопоставлен декурионам и обозначает народные массы, читающую публику: отрицательного оттенка в данном случае это слово не имеет, подчеркивая лишь вполне объективную социальную и интеллектуальную дистанцию между элитой и массой. Еще нагляднее эта дистанция проявляется в отношении Плиния к приверженцам цирковых партий («белых», «красных», «голубых», «зеленых»): «Если бы их еще привлекала быстрота коней или искусство людей, то в этом был бы некоторый смысл, но они благоволят к тряпке, тряпку любят... Такой симпатией, таким значением пользуется какая-то ничтожнейшая туника, не говорю уже о толпе (vulgus), которая ничтожней туники, но и у некоторых серьезных людей (graves homines)» (Epist. IX. 6. 2 sq.).

Описывая извержение Везувия и землетрясение в Кампании, Плиний подчеркивает свое хладнокровие, даже после гибели дяди (Epist. VI. 20. 2 sqq.). Однако его родные решили покинуть Мизен, и «за нами идет толпа людей, потерявших голову (sequitur vulgus attonitum) и предпочитающих чужое решение своему» (Epist. VI. 20. 7).

В «Панегирике» vulgus имеет то же значение, что и turba – это толпа восторженных почитателей императора (Paneg. 46. 5; 75. 3). Отношение Плиния к толпе достаточно «практично» и непредвзято. Ни vulgus, ни даже turba не стали для него объектом риторического осуждения, что отличается от точки зрения Тацита. Впрочем, сам жанр сочинений Плиния, возможно, и не требовал такого осуждения.

Жизнь и деятельность римских императоров была описана еще одним человеком из круга Тацита и Плиния Младшего – их младшим современником Светонием. Написанная им в начале II в. н.э. «Жизнь двенадцати царей», по мнению некоторых современных исследователей, не является ни образцом биографического жанра, ни вершиной политического анализа, хотя здравый смысл автора и компенсирует в какой-то степени вышеназванные недостатки⁴⁷. Большинство ученых, среди которых наиболее авторитетные⁴⁸, высоко оценивает сочинение Светония. Для нас важнее рассмотреть отношение Светония к народной массе, к толпе, выявить специфику взгляда Светония в сопоставлении с сочинениями Тацита.

В труде Светония turba, в отличие от Тацита, употребляется более часто, нежели vulgus⁴⁹. Turba обычно обозначает достаточно активно действующее сборище людей (например, Jul. 84. 3; Aug. 14; Cal. 14. 1; Claud. 10. 1, 12. 2, 18. 2, 27. 2; Galb. 18. 1, 19. 2; Vit. 7. 2). Подобное сборище могло даже представить угрозу для жизни императора (впрочем, случай, произошедший с императором Клавдием, скорее уникален для ранней Империи): «Однажды его самого среди форума толпа осыпала бранью и

⁴⁶ Как и у других авторов vulgo dicitur, vulgo loquebantur и т.п. обозначают у Плиния общее мнение, общераспространенное выражение (Epist. II. 3. 9; IV. 2. 2; VIII. 15. 1, 18. 1).

⁴⁷ См., например, *Baldwin B*. Suetonius. Amsterdam, 1983. P. 339.

⁴⁸ Wallace-Hadrill A. Suetonius. The Scholar and his Caesars. L., 1983.

⁴⁹ Howard A.A., Jackson C.N. Index verborum C. Suetoni Tranquilli. Cambr. Mass. - L., 1922. P. 253, 269.

объедками хлеба, так что ему едва удалось черным ходом спастись во дворец» (Claud. 18. 2. Пер. М.Л. Гаспарова). Иногда у Светония turba просто означает толпу, скопление людей (Jul. 79. 1; Aug. 40. 5, 53. 3, 98. 4; Cal. 4, 26. 4, 42, 58. 2; Ner. 2. 1; Galb. 17), редко turba (точнее, turbae) обозначает смуту, беспорядки (Jul. 20. 1; Tib. 4. 1).

Атрибутом turba (а не vulgus!) является толчея, давка (Jul. 39. 4); turba в данном значении обычно синонимична multitudo. Перечисляя знаменитых женщин из рода Клавдиев, Светоний отмечает одну из них, «которая была обвинена в оскорблении величия за то, что она, с трудом пробираясь на повозке сквозь густую толпу (multitudo), громко пожелала, чтобы ее брат Пульхр воскрес и снова погубил флот, и этим бы уменьшил в Риме сутолоку (turba)» (Tib. 2. 3)⁵⁰.

Светоний не использует turba для социальной характеристики низших слоев римского общества. К концу гражданских войн численность сената перевалила за тысячу, причем в него вошли люди, по мнению Светония, недостойные, в результате чего сенат «превратился в безобразную и беспорядочную толпу (deformi et incondita turba)» (Aug. 35. 1); совершенно естественно, что Август стремился покончить с таким положением. Те два места из биографии Калигулы, которые можно привести в подтверждение «социального значения» turba, при более внимательном рассмотрении не свидетельствуют в пользу подобного прочтения. Когда биограф сообщает о том, что Калигуле «была поручена высшая и полная власть по единогласному приговору сената и ворвавшейся в курию толпы (turba)» (Cal. 14. 1), то речь идет именно о сборище людей разного социального происхождения, которые оказались в курии. Описывая отношение Калигулы к разным сословиям (выше речь шла о сенаторах и всадниках), Светоний пишет: «Когда чернь (turba) в обиду ему рукоплескала другим возницам, он воскликнул: "О, если бы у римского народа (populus) была одна шея!"» (Cal. 30. 2). В данном случае под turba понимается именно сборище простонародья в цирке, но для обозначения рядовых римских граждан Светоний использует populus. Таким образом, turba не использовалась Светонием для социальной характеристики.

Рассмотрим немногочисленные употребления Светонием слова vulgus. О Цезаре Светоний говорит, что тот был причислен к богам «не только словами указов, но и убеждением толпы (non ore modo decernentium, sed et persuasione vulgi)» (Jul. 88), имея в виду низшие слои населения Рима. В биографии Нерона толпа (vulgus) специально отделяется от солдат (Ner. 21. 1); vulgus — это толпа, простонародье, и Нерон «ревновал ко всем, кто в чем бы то ни было возбуждал внимание толпы (qui quoquo modo animum vulgi moverent)» (Ner. 53), а в биографии Вителлия vulgus — это римские низы, которые хулили Вителлия (Vitel. 17. 2).

Таким образом, vulgus, в отличие от turba, имеет определенный социальный оттенок, однако никаких следов осуждения vulgus сочинение Светония не содержит. Vulgus у Светония также имеет значение общего мнения, обнародования, источника слухов и т.п. (например, Aug. 35. 1, 51. 1; Claud. 21. 5; Ner. 6. 4; Galb. 20. 2); Калигула в детстве был «так мил народу» (sic vulgo favorabilis) (Cal. 4).

Глагол vulgo и производные от него у Светония обычно обозначают распространение информации (официальным порядком либо посредством слухов – Aug. 70. 2, 94. 5, 94. 12; Tib. 66; Claud. 1. 1; Ner. 39. 2; cf. Gram. 8) и не имеют пейоративного оттенка. Биограф охарактеризовал как vulgatissimus (т.е. получившую широчайшую известность) шуточную песню, которую пели воины Цезаря на его триумфе (Jul. 49. 4)⁵¹.

Итак, отношение Светония к vulgus решительно отличалось от тацитовского. Как было отмечено одним из исследователей творчества Светония, слово vulgus «обычно использовалось биографом во фразах, описывающих общераспространенные обычаи

⁵⁰ О феномене тесноты см. *Кнабе Г.С.* Метафизика тесноты. Римская империя и проблема отчуждения // ВДИ. 1997. № 3. С. 73–76.

⁵¹ Причастие vulgatissimus использовалось также для обозначения проституток самого низкого пошиба (Domit. 22).

или общеизвестный факт»⁵². Но этот феномен нельзя рассматривать изолированно: Светонию было совершенно несвойственно тацитовское презрительное отношение к низам общества, и он не использует совсем столь любимые Тацитом выражения как promisca multitudo, fanatica multitudo, vernacula multitudo и т.п.⁵³ Поэтому семантический анализ, который столь тщательно провел Цви Явец⁵⁴, приложим именно к Тациту, но никак не к Светонию. Хронологическая близость обоих авторов не должна вводить в заблуждение: в своем презрении к vulgus Тацит очень схож с Цицероном, Саллюстием, Горацием, отношение же к vulgus Светония очень напоминает отношение Курция Руфа и Плиния Младшего. Необходимо отметить и отличие тацитовской аудитории от светониевской⁵⁵. Мы вновь видим противостояние двух традиций – риторически оформленной традиции презрения к черни образованной сенатской элиты и традиции спокойного (можно сказать, делового) отношения к проблеме взаимоотношения власти и низов (прежде всего – plebs urbana).

Но чтобы расставить все необходимые акценты, следует обратиться к римскому праву, к Дигестам. Право консервативно, и может отражать реалии как современной, так и предшествующей эпохи. К тому же правовые тексты почти не подвержены влиянию риторики, и слова в них «имеют свою собственную цену». Как справедливо отмечал В.М. Смирин, римские юристы пользовались вполне обычным языком⁵⁶, но словоупотребление у них в силу специфики жанра более терминологично, и не случайно титул 16-й 50-й книги Дигест так и называется — «De verborum significatione». В этом титуле приводится краткое определение плебса, восходящее к Гаю: «Plebs est ceteri cives sine senatoribus» (D. 50. 16. 238).

Достаточно определенное значение имеет в Дигестах и turba. Иногда turba обозначает множество людей, но как бы «излишнее множество». Помпоний, обозревая причины изменений в римском государственном строе, писал: «Затем, поскольку было трудно плебсу, а еще сложнее всем гражданам собираться в такую людскую толпу, именно необходимость привела к передаче власти в государстве сенату» (Deinde quia difficile plebs convenire coepit, populus certe multo difficilius in tanta turba hominum, necessitas ipsa curam rei publicae ad senatum deduxit) (D. 1. 2. 2. 9). В другом месте он писал о большой толпе перегринов (multa turba peregrinorum) в Риме, что вызвало необходимость создания специального претора по делам перегринов (D. 1. 2. 2. 28). Гораздо чаще, однако, turba используется как terminus technicus, обозначающий и беспорядки, и преступное сообщество (шайку), состоящее не менее чем из 10–15 человек. Наиболее показателен в этом смысле титул 8-й 47-й книги Дигест «Vi bonorum гарtоrum et de turba». В нем дается и качественное (противозаконное сборище, причем turba согласно, очевидно, народной этимологии, возводится к греческому θорυβєїν)⁵⁷, и количественное определение понятию turba⁵⁸.

Определения vulgus мы в Дигестах не находим, и это неудивительно: что может быть более неопределенно и менее подходяще для правового сознания, чем понятие толпы, множества. Наречие vulgo обозначает нечто общепризнанное, всеобщее⁵⁹;

⁵² Baldwin, Op. cit. P. 341.

⁵³ Ibid. P. 342.

⁵⁴ Yavetz. Plebs and Princeps. P. 141 ff.

⁵⁵ «Идеальный читатель Тацита – это, несомненно, сенатор. Читатель Светония – не таков, но это и не человек с улицы» (Wallace-Hadrill. Op. cit. P. 24). Светониевские биографии – не альтернативный (по отношению к Тациту) тип исторического сочинения, но ученый труд, имевший целью информировать читателя безо всяких претензий на морализаторство (ibid. P. 25).

⁵⁶ «Ни специальные технические выражения, ни устойчивые формулы не были необходимы римским юристам для адекватного описания правовых ситуаций или изложения каких-нибудь правил древнего права» (*Смирин В.М.* Сравнение со смертью в языке римских юристов // ВДИ. 1996. № 1. С. 137).

⁵⁷ Turbam autem apellatam Labeo ait ex genere tumultus idque verbo ex Graeco tractum ἀπὸ τοῦ θορυβεῖν (Ульпиан, D. 47. 8. 4. 2).

⁵⁸ Двое, трое, четверо – не turba, 10–15 человек – это уже turba (Ульпиан, D. 47. 8. 4. 3). Таким образом на уровне правовой литературы решается извечная философская проблема «кучи».

⁵⁹ Quod vulgo dicitur – D. 43. 16. 1. 25; vulgo receptum est – D. 22. 1. 2.

соответственно прилагательное vulgaris обозначает обычное, общераспространенное действие 60 , a vulgaris mulier – проститутку 61 .

На весь корпус Дигест приходится всего несколько употреблений существительного vulgus⁶². Vulgus рассматривается и Гаем (D. 41. 1. 9. 7), и Ульпианом (D. 9. 3. 1. 2) как безликая толпа прохожих, которой можно нанести вред, швыряя в нее сверху разнообразные предметы (Ульпиан), либо облагодетельствовать какой-то собственностью, очевидно, во время раздач (Гай). Vulgus выражает общее мнение: «Почти все называют родственников четвертой степени родства кузенами» (sed fere vulgus omnes istos communi apellatione consobrinos vocant) (Гай, D. 38. 10. 1. 6). И, наконец, мнение этого большинства воспринималось римскими юристами как некий эталон обыденности, обычности: на vulgi sermone ссылается Помпоний (D. 50. 16. 162. 1), свое мнение профессионала-юриста противопоставляет vulgus opinatur Павел (D. 21. 2. 56).

Таким образом, в языке римских юристов vulgus не несет отрицательных коннотаций; это добропорядочное, хоть и обнищавшее сборище можно облагодетельствовать мелкими подачками, решительно противостоять же нужно разбойничающей и устраивающей беспорядки turba. Удавалось это не всегда. Жертвой такой агрессивной толпы своих подчиненных и стал в 223 г. Ульпиан.

Итак, подведем некоторые итоги. Слово vulgus появляется у латинских авторов II в. до н.э. (Теренция, Акция, Луцилия и др.); как обозначение простонародья оно частично заменяет plebs. Пока социальная структура Рима не испытывала потрясений, отношение к vulgus пренебрежительно нейтрально. Ситуация меняется с наступлением эпохи гражданских войн, когда низшие слои римского гражданства начинают принимать активное участие в политической борьбе. Опасность потери власти была причиной того, что на vulgus обрушивают свою ненависть boni — защитники римской олигархии. В сочинениях Корнелия Непота, Саллюстия, Катулла и Горация (а в меньшей степени — Акция и Цицерона) противопоставление vulgus и boni (potentes) становится риторическим штампом. Такое противопоставление было характерно только для этих авторов, и в сочинениях других авторов I в. до н.э. (Лукреций, Цезарь, Вергилий, Тит Ливий) vulgus рассматривается вполне спокойно.

С установлением императорской власти vulgus в лице римского plebs urbana приобретает стабильное место в обществе, и раздражение вызывают лишь некоторые эксцессы, при описании которых обычно употребляется слово turba. Совершенно нейтральное отношение к vulgus мы можем наблюдать в сочинениях Курция Руфа, Лукана, Сенеки и даже Петрония.

Только Тацит в стремлении восстановить утраченную идиллию сенатской республики обрушивается на vulgus, которой потакали императоры. Но это лишь заключительный аккорд сенатской традиции, своеобразная «риторическая ностальгия». Его современники Плиний Младший и Светоний были в этом вопросе значительно более бесстрастными. Отношение к vulgus в Дигестах также нейтрально, при этом решительное неприятие вызывает turba, которая приобретает даже значение шайки разбойников.

Vulgus — не «социальный термин», не terminus technicus. В I в. до н.э. vulgus стало бранным словом у части римской элиты, пытавшейся поставить риторический барьер между «нами, образованными, которые у власти» и основной массой населения (мы — другие, мы — не vulgus). Новая власть, однако, числила vulgus в числе своих опор, и не случайно не только Цезарь и вполне лояльные новой власти Плиний Младший, Курций Руф и Светоний, но и сенатский оппозиционер Лукан не стремились осуждать

⁶⁰ Например, vulgaris modo – «обычным образом» (Африкан, D. 30. 109).

⁶¹ Gai. 1. 64; 1. 69; 1. 91: речь идет о незаконнорожденных детях, quos mater vulgo concepit. См. также Berger A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law // Transactions of the American Philosophical Society. 1953. 43. 2. P. 771.

⁶² Vocabularium iurisprudentiae Romanae. T. V. B., 1939. Sp. 1463. В «Институциях» Гая vulgus не встречается; несколько раз употребляется это слово также в более позднем «Кодексе Юстиниана». См. *Mayr R*. Vocabularium Codicis Iustiniani. V. I. Prag, 1923. Sp. 2571 f.

«невежественную толпу». Знаменитая Vulgata (латинский перевод Библии) перекликается с луцилиевским хором, но не с саллюстиевско-горациевской чернью.

Такое отношение к толпе, окалос, совершенно невозможно представить в Греции. Но охлос – это деградировавший полновластный демос, в Риме же vulgus изначально не обладала реальной властью. Существование vulgus – специфика Рима, и это нашло отражение в сочинениях римских авторов.

С.Г. Карпюк

VULGUS AND TURBA: MOB IN CLASSICAL ROME

S.G. Karpyuk

The aim of the article is to consider the attitude of the Roman authors of the classical period towards the mob, their use of the words *vulgus* and *turba*. There is a common opinion about the pejorative attitude of the Roman authors towards *vulgus*, but this conclusion is based on the analysis of individual authors, rather than on the corpus of texts.

The word vulgus first appears in the works of the authors of the 2nd c. B.C. as the definition of common people and partly replaces plebs. For the first Roman comedy writers vulgus is an unfamiliar and seldom used word, denoting something where in public opinion originates without a pejorative connotation. Turba is more familiar to them, it denotes commotion, disorder, concentration of people (with sometimes a pejorative connotation). As long as the social structure of Rome did not experience upheavals, the attitude towards vulgus was disdainfully neutral. The situation changed with the advent of the epoch of civil wars when the lower strata of Roman citizens began to take an active part in the political struggle. The danger of losing power was the reason for the hatred of the «old» boni, defenders of the Roman oligarchy, to vulgus. For Sallustius and Catullus (and to a lesser extent for Accius and Cicero) the opposition of vulgus and boni (potentes) became a rhetorical cliché. Such an opposition was typical only of that social milieu, and in the works of the other authors of the 1st c. B.C. vulgus is treated quite neutrally. Unlike Sallustius, Caesar used vulgus, with one exception, neutrally. It is not surprising: Caesar appealed to this vulgus and sought to win its sympathies.

With the establishment of the emperors' power, vulgus represented by the Roman plebs urbana acquired a stable place in society and only some excesses, which aroused indignation on the part of some authors, made them use the word turba. We can find a completely neutral attitude towards vulgus in the works of Seneca and even of Petronius. Only Tacitus attempting to restore the lost idyll of the senate republic denounces vulgus catered to by the emperors. But it was the final accord of the senate tradition, a peculiar «rhetorical nostalgia». His contemporaries, Pliny the Younger and Suetonius, were far more impartial. We can see again the opposition of two traditions – a rhetorically expressed contempt for the mob on the part of the educated senate elite and a bureaucratically calm (one can say businesslike) attitude towards the relationship between those who had power and the low strata (first of all, plebs urbana).

In Digestae *vulgus* has no pejorative connotation; this well-behaved, if impoverished, group can be made happy with insignificant hand-outs; it is the riotous and looting *turba* that should be resolutely rebuffed.

Vulgus is not a social term. Nor is it terminus technicus. In the 1st c. B.C. vulgus became a swearword of the part of the Roman elite trying to put up a rhetorical barrier between «us, well-educated, holding power» and the main population (we are different, we are not vulgus). The new power, however, considered vulgus among its supporters, and it is not accidental that not only Caesar, and loyal to the new power Pliny the Younger and Suetonius, but also Lucan, a senate oppositionist, did not seek to denounce «the ignorant mob». Name of the famous Vulgata (the Latin translation of the Bible) has a lot in common with the Lucilius' choire, but not with the Sallustius-Horace riff-raff.

It is impossible to imagine this kind of attitude to ὄχλος in Greece. *Ochlos* is degenerating but full-powered *demos*, whereas *vulgus* in Rome initially has no real power. The existence of *vulgus* is a specific feature of Rome, and this fact is reflected in the works of Roman authors.